

<http://www.bulletennauki.com/>

УДК 130.2:78:316.343.652 «18/20»

**ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ МУЗЫКИ В ДИАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ОТ XIX К XXI ВЕКУ****CONFESSION OF MUSIC IN THE DIALOGUE OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA:
FROM THE XXIth TO THE XXth CENTURY**©**Воронина Н. И.**

Д-р филос. наук

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск**kafkmgu@mail.ru*©**Voronina N. I.**

Doctor of Philosophy

*Ogarev Mordovia State University, Saransk**kafkmgu@mail.ru*©**Новикова Н. Л.**

Д-р филос. наук

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск**nadlnov@mail.ru*©**Novikova N. L.**

Doctor of Philosophy

Ogarev Mordovia State University, Saransk©**Сиротина И. Л.**

Д-р филос. наук,

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск**sirotinail@mail.ru*©**Sirotina I. L.**

Doctor of Philosophy

*Ogarev Mordovia State University, Saransk**sirotinail@mail.ru*

Аннотация: в статье рассматривается философствование российской интеллигенции о музыке, которую они ценили как один из феноменов духовной жизни. Именно в этой среде в середине XIX века происходило становление проблематики философии музыки, осмысление метафизики мироустройства через взаимодействие концепции жизни творчества.

Abstract: the article is about the Russian intelligentsia philosophizing about music, which they valued as one of the phenomena of spiritual life. Exactly in this period in the middle of the XIXth century there was the birth of the problematic of the philosophy of music, the formation of comprehension of the metaphysics of the interpretation of the universe order through the interaction of the concept of art life.

Ключевые слова: исповедальность, философствование, музыка, русская интеллигенция, личность, время

Keywords: confession, philosophizing, music, the Russian intelligentsia, personality, time.

<http://www.bulletennauki.com/>

В автобиографических записках, в исповедях, в переписке русских писателей, деятелей культуры, философов XIX в. (А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич, В. П. Боткин и др.) звучит постоянная тема взаимопроникновения искусства, философии и жизни. Открытие мира философских идей состоялось у каждого по-разному, и в разном возрасте. Для рассуждений выбиралось искусство или конкретно музыка. Они не просто смотрели и слушали, они передавали, посещавшие их в романтически-юношеском возрасте настроения, когда восхищение произведениями искусства могло мгновенно смениться мучительными страданиями, либо разочарованием, что становилось поводом для важнейших выводов о душе и духовности бытия человека. Это было открытием, но главное — постепенно становилось потребностью, «важной струной жизни».

Что я создаю? В чем состоит процесс моего творчества, свободные творческие акты, когда «чувство и мысль, в сущности своей, составляют единое и целое, — пишет В. П. Боткин [1, с. 36], — а действительность понимается как одна из форм актуального переживания свободы?». В звуках «воплощается гармония мира и чувство бесконечного» [Там же. С. 24]. В рамках метафизики музыки необходимо ответить на фундаментальный вопрос: что есть музыка? Еще раз обратимся к Боткину: «Музыка есть отражение внутренней сущности мира» [Там же. С. 36]. Безусловно, лишь личность может и должна быть ее выразителем.

Мыслители разных столетий задавались этим вопросом и искали на него ответы. В разной степени были философствующими художниками и люди, занимающиеся творчеством. Простое слушание музыки их не удовлетворяло — многие считали, что музыка получает смысл и значение, когда она — в едином плане, в цельности мирозерцания (Н. П. Огарев) [4; 5]. А эта цельность достижима с участием другой деятельности — философской, которую каждый из них пытался объяснить себе не только с эстетической и научной точки зрения, но также метафизически.

В московской литературно-художественной среде XIX в. вопросы искусства никогда не обсуждались изолированно от проблем философских. Разговор о творчестве И. Гете и Ф. Шиллера, о поэзии А. С. Пушкина или игре В. А. Каратыгина возникал как естественное, органическое продолжение споров вокруг самых разнообразных вопросов философии. В своих заметках «Об отношении философии к искусству» Н. В. Станкевич подчеркивал, что ни одна отрасль духовной жизни не развивается изолированно, независимо, ибо «каждый член духа живет и растет с целым его организмом» [Там же. С. 166]. Искусство в своем развитии неразрывно с общей историей человечества, стало быть — для того чтобы понять природу искусства, надо осмыслить его отношение к истории, к жизни, а философствование и музыка сливались в «единую симфонию» (Н. П. Огарев).

Музыканты-исполнители и композиторы XIX–XX в. в. выражают эту сущность через прочтение и толкование феномена музыки и ее «жизнесмыслов» (Г. Д. Гачев) в мелодико-гармонических, ритмических и эмоциональных конструктах, стремясь создать средствами музыки некую универсальную метафизику мироустройства. В освоении всей этой мозаики угадывается стиль творца: философию они воспринимают как переживание, она для них есть часть творческого процесса. Такое понимание органично вписывается в мировоззренческую картину русской духовности XX и начала XXI в. в., для которой характерна идея взаимопроникновения искусства, философии и жизни.

Так ли уж разнится метафизика музыки XIX в. и «гармоническое здание» музыкальных идей XX века? На этот весьма не простой вопрос отвечают деятели музыкальной культуры (XX–XXI в. в.). С точки зрения певицы Л. И. Кожевниковой, творческий процесс непременно включает в себя момент преодоления всех трудностей и слабостей творческого акта, это

<http://www.bulletennauki.com/>

состояние, это цель, это высший смысл творческой деятельности. Для композитора С. Я. Терханова музыка как созидаящая сила тоже постоянно находится в непрестанной борьбе за самоутверждение. Согласно его теории жизни, как свободной игры творческого духа, он создает себе препятствия в процессе творческой деятельности и сам же их преодолевает. Причем преодолевается совершенно реальный комплекс сил: от мрачных, тревожных ритмов, до мучений любви, то есть комплекс сил, вибрирующий тысячами оттенков эмоционального и психологического переживания. Собственно, вот она метафизика музыки, вот ее суть, вот принцип становления, как философской драматургии, так и музыкальной [Подробнее см.: 3].

Таким образом, у людей, одаренных исключительной творческой импульсивностью, пылкостью, волевое борение означает одно из важных свойств его творчества. Пульсирующие чувства и мысль творца, страстность, эмоциональность, волевые устремления и рожают определенный стиль музыкального мышления, индивидуальный в своих проявлениях, но базирующийся на основных духовно-творческих основаниях времени. Не индивидуальный, а точнее исповедальный, интимно-личностный аспект исповедального, который выражает особую знаковую доминанту культуры и особенно ярко проявляется в музыке.

Если же человек не композитор, не занимается творчеством, то о какой его музыке может идти речь? Это музыка, которую он любит, которую может часами слушать, которую понимает, которая заставляет размышлять. Или совсем наоборот — музыка, которая захватывает тебя и уносит в неизвестность. Ты не способен думать, ты отдаешься ей во власть. Внутри тебя волны радости и восхищения, либо светлой печали, — свободная игра воображения. Это все, что связано с музыкой — ее теория и гармония, история инструментов и исполнителей, и те, кто пишет музыку. «Музыка — это и особая сфера человеческой духовности — «философо-музыка», предполагающая факт органического эмоционально-образного взаимодействия, где концепция жизни и концепция творчества через музыку сливаются в единую метафизику мироустройства. Сегодня это еще и культурное пространство музыки, ее существование в социуме. С музыкой в жизнь человека входят новые люди — коллеги, друзья, ученики. С музыкой приходит любовь и семья. Одним словом, музыка для некоторых людей — становится всем, везде, во все времена, на разных уровнях» [3, с. 9].

Можно привести десятки возвышенно-поэтических (и по существу своему совершенно верных) определений музыки. Музыка — «истинная всеобщая человеческая речь» (К. Вебер). Музыка не имеет отечества; «отечество ее — вся вселенная» (Ф. Шопен). Музыка одна является «мировым языком» и не нуждается в переводе, ибо говорит душе (Б. Авербах). Музыка является до предела «непроизносимой» сферой духовного поиска, жизненной стихией творчества (А. Белый); вневременным бытием, движением без материального носителя, «полетом мысли, удивительным образом нерасчленимым на частности» (А. Лосев). И как бы мы не расширяли этот ряд музыкантов и мыслителей, однако и они не могут дать ответа на извечный вопрос: что есть музыка, почему она наравне с литературой, живописью, религиозным творчеством, всегда находится на рубеже острых социокультурных дискуссий, становясь камнем преткновения в бесконечных спорах о смысле бытия?! Почему ее территория не имеет границ?!

**Статья выполнена по Гранту РГНФ. Проект № 14-03-00099а*

Список литературы:

1. Боткин В. П. Итальянская и германская музыка // Собр. соч.: в 3 т. СПб., 1890–1893. Т. 3. С. 35–45.
2. Станкевич Н. В. Стихотворения. Трагедия. Проза. М.: Тип. О. О. Гербека, 1890. 257 с.

<http://www.bulletennauki.com/>

3. Воронина Н. И. Личность и время: метафизика музыки. Саранск: Красный Октябрь, 2010. 260 с.
4. Воронина Н. И. Н. П. Огарев: неисчерпаемость личности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 168 с.
5. Воронина Н. И. Старое Акшино: «Прошедшего возвышенный корабль...». Саранск: Красный Октябрь, 2012. 28 с.

References:

1. Botkin V. P. Ital'janskaja i germanskaja muzyka // Sobr. soch.: v 3 t. SPb., 1890–1893. T. 3. S. 35–45.
2. Stankevich N. V. Stihotvorenija. Tragedija. Proza. M.: Tip. O. O. Gerbeka, 1890. 257 s.
3. Voronina N. I. Lichnost' i vremja: metafizika muzyki. Saransk: Krasnyj Oktjabr', 2010. 260 s.
4. Voronina N. I. N. P. Ogarev: neischerpaemost' lichnosti. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2013. 168 s.
5. Voronina N. I. Staroe Akshino: «Proshedshego vozvyshennyj korabl'...». Saransk: Krasnyj Oktjabr', 2012. 28 s.

*Работа поступила в редакцию
27.12.2015 г.*

*Принята к публикации
05.01.2016 г.*